

**Стилистическое многообразие в поздних романах
Камилу Каштелу Бранку (1870-е – 1880-е гг.)**

***Аннотация.** В статье исследуются романы, созданные К. Каштелу Бранку на рубеже 1870-х и 1880-х гг. Автор рассматривает их как в контексте литературного процесса в Португалии в последней четверти XIX в., так и в контексте собственного творчества К. Каштелу Бранку. Помимо этих факторов, внимание уделяется социально-историческому контексту, определившему хронологические рамки повествования в данном корпусе сочинений К. Каштелу Бранку. Преимущественное внимание уделяется стилистическим нововведениям, которые присущи романам «Эузебиу Макариу» и «Бразильянка из Празинша», а также индивидуализации речевых характеристик действующих лиц, ранее встречавшейся в творчестве К. Каштелу Бранку значительно реже.*

***Ключевые слова:** речевая характеристика, португальская литература, романтизм, натурализм, Камилу Каштелу Бранку.*

***Abstract.** The article examines the novels created by C. Castelo Branco on the edge of the 1870s and 1880s. The author performed the study of those novels in the context of the literary process in Portugal in the last quarter of the 19th century as well as of C. Castelo Branco's own work. In addition to these factors, attention is paid to the social and historical contexts that determined the chronological framework of the narrative in a series of C. Castelo Branco's works created in this period. Primary attention is focused on the stylistic innovations that are inherent in the novels «Eusebio Macario» and «A Brasileira de Prazins», as well as the individualization of the speech characteristics of the characters, which was previously encountered much less frequently in the novels of C. Castelo Branco.*

***Keywords:** speech characteristic, Portuguese literature, romanticism, naturalism, Camilo Castelo Branco.*

Периодизация творчества Камилу Каштелу Бранку (1825–1890) представляет определенные сложности прежде всего в связи с его чрезвычайно активной литературной деятельностью [1, с. 80–85], так как ее интенсивность и жанровое многообразие препятствуют вычленению произведений, определяющих начало или конец определенного этапа писательской деятельности. Вместе с тем, большинство исследователей сходятся на том, что со второй половины 1870-х гг. наступает заключительный период деятельности К. Каштелу Бранку [2, с. 23–24].

Этот этап в его творчестве характеризуется пристальным вниманием к новейшим тенденциям европейской литературы, в частности, к экспериментальному роману Э. Золя. Первоначально данный интерес носил преимущественно полемический характер и был связан с противостоянием между писателями-романтиками второго поколения (одним из неформальных лидеров которого был именно К. Каштелу Бранку) и «поколением 1870-х годов», т.е. поклонниками современной французской культуры и пропагандистами философии позитивизма [3, с. 833–836].

Отзвуком этой полемики становится посвящение романа «Эузебиу Макариу» (1879), обращенное к Анне Пласиду, гражданской жене писателя: «Моя дорогая подруга! Однажды ты спросила меня, сможет ли одряхлевший автор романов в старинном вкусе написать в соответствии с новыми веяниями роман со всеми черточками реалистического стиля? Я отважно ответил что да, а ты заключила со мной пари, что нет. Теперь я кладу тебе на колени этот роман, и целую твою руку в знак того, что проиграл пари» [4, с. 35].

В подзаголовке роман «Эузебиу Макариу» назван «естественной и социальной историей одной семьи в эпоху Кабралов» [4, с. 37], что определяет хронологические границы повествования – первую половину 1840-х гг. Это время получило в истории Португалии такое название благодаря братьям Кабралам. Антониу Бернарду Кошта Кабрал, граф де Томар (1803–1889), был одним из лидеров умеренного крыла португальских конституционалистов. В 1842 г. он совершил государственный переворот и восстановил действие Конституционной хартии 1826 г., более консервативного основного закона страны, чем действовавшая до того Конституция 1838 г. В 1842–1846 гг. он возглавлял министерство внутренних дел, а в 1849–1851 гг. был премьер-министром Португалии. Его старший брат Жозе Бернарду да Силва Кабрал, получивший титул графа Кабрала (1801–1869), последовательно занимал посты губернатора Порту (1843) и Лиссабона (1844–1845), а в 1845–1846 гг. был министром юстиции. Политическое влияние обоих братьев дало повод для употребления их фамилии во множественном числе. Противники правительства неоднократно обвиняли А.Б. Кошту Кабрала не только в диктаторских устремлениях, но и в коррупции.

Отчетливо полемическую тональность приобретает авторское примечание к подзаголовку: «Критиков покорнейше просят не решать сразу же, что автор выступает как плагиатор Эмиля Золя. «Эузебиу Макариу» – не «Ругон – Маккары», а «одна семья во времена Кабралов» – не «одна семья при Второй Империи». И, кстати, братья Кабралы – безусловно не Вторая Империя» [4, с. 37].

Первоначально планировалось создание цикла из шестнадцати романов [4, с. 41]; возможно, эта декларация, в которой К. Каштелу Бранку обещал вдвое превзойти в количественном отношении Э. Золя, выпустившего к 1879 г. восемь романов из цикла «Ругон – Маккары», содержала в себе иронический вызов, адресованный португальским последователям школы «экспериментального романа».

Однако в действительности замысел данного цикла воплотился в дилогии «Эузебиу Макариу» (1879), «Шайка» (A Coija, 1880), к которой с некоторыми оговорками может быть присоединен и роман «Бразильянка из Празинша» (A Brasileira de Prazins, 1882), в пользу чего говорят хронологическая близость сюжетов и эпизодическое появление в «Бразильянке из Празинша» некоторых персонажей двух предыдущих романов. Представляется наиболее обоснованной точка зрения А. Кабрала, который объясняет снижение писательской активности К. Каштелу Бранку в последний период его творчества тем, что «непрестанные физические и моральные страдания, а также чрезмерная литературная работа привели к истощению энергии и к исчерпанию творческих способностей» [5, с. 199].

Одним из аргументов в пользу того, чтобы рассматривать «Бразильянку из Празинша» вне задуманного в 1879 г. романного цикла, становится очевидное стилистическое различие трех романов. Оно заключается в том, что в «Эузебиу Макариу» и в «Шайке» автор сохраняет частую в его более раннем творчестве сюжетную структуру сатирического романа нравов, при этом осознанно перенасыщает ее описательным элементом. Как замечают в связи с этим авторы академической «Истории португальской литературы» А. Сарайва и О. Лопеш, «все изображено с карикатурным избытком подробностей – от живописного перечисления способов охоты до детального описания мебели и деталей одежды» [3, с. 824]. В отличие от «Эузебиу Макариу» и «Шайки», в «Бразильянке из Празинша» натуралистический метод служит для раскрытия психологического своеобразия героев, а не для создания литературной и моральной сатиры. Соответственно, дескриптивная составляющая в последнем романе встречается гораздо реже и играет подчиненную роль. Например, так происходит при описании дома приходского священника в деревне Сан-Женш-де-Калвуш [6, с. 55–56]; изображая бытовую неустроенность и неухоженность его жилища, К. Каштелу Бранку вносит дополнительные штрихи в характеристику мечтательной и равнодушной к материальной стороне личности. Вторым ярким примером можно считать описание распродажи религиозных товаров, построенное на контрасте между благочестивым содержанием и отталкивающей внешней формой [6, с. 190–191].

Гораздо более важное значение на последнем этапе творчества К. Каштелу Бранку приобретают речевые характеристики действующих лиц, отражающие не только их социальный и культурный уровень, но также раскрывающие особенности индивидуального темперамента и системы моральных ценностей данного героя.

Одной из наиболее ярких речевых характеристик наделен Бенту Жозе Перейра Монталегре, барон де Рабасал, появляющийся во всех трех романах. По замыслу автора, этот персонаж является типичным представителем «бразильцев» – так в середине XIX в. называли португальцев (чаще всего, выходцев из простонародья), эмигрировавших в Бразилию в поисках удачи и составивших там состояние. Образ «бразильца» часто возникал на страницах К. Каштелу Бранку в негативно-

комическом освещении. Как отмечал Ж. ду Праду Коэлью, «романтики всегда видели в буржуа своего главного врага, и буржуазный мир, спокойный и удовлетворенный, движимый приобретательством, никогда не смог бы понять... внутренние потрясения чувствительных душ» [7, с. 314].

Наиболее характерной особенностью речи барона де Рабасала являются нарушения фонетической нормы португальского языка, прежде всего, палатализация безударного «е», переходящего в «и», а также отсутствие редукции безударных гласных. Кроме того, в его репликах можно обнаружить и некоторые нарушения грамматических норм: «*Pois, abade, somente lhi digo uma coisa. Si não casar com Custódia, não mi caso com outra, palavra di cavalhêro. Não quero fidalgas, nem vou em Lisboa à buscar elas. Fidalgo sou eu da Casa Real, hem? Quero uma minina hónesta e pobre. Rico sou eu*».

При переводе на русский язык его слова могут переданы следующим образом (курсивом выделены просторечия, соответствующие просторечиям в оригинальном тексте): «Ну, аббат, вот *чаво* вам скажу. *Коли* не на Куштодии, *дак* ни на какой другой не женюсь, слово *дровянина!* Не надобно мне благородных, да и *до* Лиссабона не поеду за ними. Я и сам благородный, из королевской свиты, *а то нет?* Мне надо *деушку честну* да бедную, а богатство у меня у самого есть» [4, с. 89]. Эти же особенности его речи наблюдаются и в «Бразильянке из Празинша»: «*Mi pérdoe, amigo Prázins, você si casa com minina mágrita, muito seca di encontros*», что можно перевести приблизительно так: «Извини *мене*, друг Празинш, да *деушка*-то больно *тошшенька*, *суховата маненько*» [6, с. 179].

В отличие от барона де Рабасала, не менее яркая речевая характеристика подполковника Сервейры Лобу, созданная в «Бразильянке из Празинша», построена не на нарушениях фонетической и грамматической норм языка, а на частом употреблении эмоционально-окрашенных метафор, многие из которых связаны с его родом занятий – в прошлом Сервейра Лобу был кавалерийским офицером. Например, так происходит при шутовском разговоре подполковника с поденщицами: «*Ó brejeira, deixa lá vêr o patriotismo; que tal é a anca? Não respondes, catraia? Olha como aquella rebola os quadris, o grande coldre!*» [6, с. 42].

В переводе курсивом выделены лексемы, соответствующие данным эмоционально-окрашенным характеристикам и сравнениям: «*Эй, разбойница*, покажи-ка любовь к родине! Как твои *ляжки поживают?* Чего молчишь, *кобылица?* Ишь, как *крупом* трясет, ишь, какие здоровые *кобуры* (метафорическое обозначение бедер – К.К.) по бокам!».

Речевая характеристика священника Озориу – вторичного нарратора, т.е. повествователя вставной истории в «Бразильянке из Празинша», строится на подобию внешнего впечатления, производимого им на первичного нарратора (повествователя обрамляющей истории) [8, с. 80], и манеры высказываться, присущей данному персонажу. «Выражение его лица, – сообщает первичный нарратор, – располагало

к себе и побуждало вместе с ним пуститься на поиски любопытных сентиментальных историй. Незапятнанная сутана отца Озориу внушала к себе уважение. Его жизнь тоже кажется незапятнанной...» [6, с. 7–8].

Речь о. Озориу характеризуется точным следованием лексическим и грамматическим нормам португальского языка; ее стилистическое своеобразие выражается главным образом в использовании синтаксической инверсии, достаточно редкой в языке произведений К. Каштелу Бранку, и в склонности к риторическим вопросам, например: «Помню ли я моего бедного Жозе Диаша? Да разве я могу его забыть? Мне кажется, будто наяву, что вот этой рукой я поддерживаю его мертвую голову – а ведь минуло уже тридцать пять лет! Вам не кажется, что следует сохранить в душе болезненные воспоминания, дабы удержать в памяти друга, скончавшегося в столь давние времена? Но как вы узнали о том, что этот незаметный крестьянский сын жил на свете?» [6, р. 9].

Лексической и синтаксической простоте и сдержанной эмоциональности тона о. Озориу в «Бразильянке из Празинша» противопоставлена нарочитая экзальтированность речи странствующего проповедника-францисканца Косьмы Тажилде, избыточной уменьшительно-ласкательными формами. К. Каштелу Бранку характеризует данного персонажа своего романа следующим образом: «Это был проповедник сентиментального склада. Некогда он служил фурьером в армии роялистов, а сан принял ради того, чтобы унаследовать состояние одной благочестивой родственницы, ибо солдаты внушали ей ужас. В бытность фурьером он прочел романы Прево и госпожи Жанлис. Под влиянием этих сочинителей отец Косьма приобрел слащавые интонации, перемежаемые трагическими паузами, и развил в себе особенный навык трогать материнские сердца, изображая чувствительные сцены из детской жизни» [6, с.188]. «*E o teu filhinho, mulher, o filhinho que Deus te levou para a companhia dos anjos, quando lá do céu te vê pecar, estende para ti os seus bracinhos, e diz: Mãe, ó mãe! não peques; mãe, não peques!.. se te afundas no abismo eterno não tornarás a vêr o teu filhinho que te chama do céu...*» *E infantilizava o timbre da voz, inclinava a um lado a cabeça num langor menineiro, estendia os braços do pulpito abaixo com as mãos abertas, alongava os beiços no geito da boquinha de criança...* [6, с. 188].

В оригинале и в переводе курсивом выделены как типичные для стиля речи проповедника уменьшительные формы, так и ремарки повествователя: «А твой сыночек, о женщина! твой *сыночек*, коего Господь забрал у тебя и унес к ангелам!.. Сие чадо, видя с небес, что ты согрешила, простирал к тебе *ручки* и восклицает: “Мать, о мать! Не грехи! Мать, не грехи!.. если ты исчезнешь в вечной бездне, то больше не увидишь своего *сыночка*, взывающего к тебе с небес...» Отец Косьма подражал детскому голосу, *младенчески-томно склонял голову* набок, простирал к слушателям раскрытые ладони, *вытягивал губы, изображая ротик малыша...*».

В заключение следует отметить, что индивидуализация речевых характеристик в романе «Бразильянка из Празинша» становится стилистическим приемом, который наиболее полно позволил реализовать переход от романтизма к реализму, наметившийся в творчестве К. Каштелу Бранку в середине 1870-х гг. По мнению Ж. ду Праду Коэлью, преобладание стилистических изобразительных средств над описательными характеристиками органично для внутренней логики развития писательского метода К. Каштелу Бранку, чье восприятие новых тенденций в литературном процессе привело его не к копированию этих нововведений, а к их переосмыслению и включению в свой инструментарий [9, с. 173–176].

Литература

1. Cabral A. Dicionário de Camilo Castelo Branco. – Lisboa: Editorial Caminho, 2003. – 837 p.
2. Frier D. As (trans)figurações do *Eu* nos romances de Camilo Castelo Branco (1850–1870). – Lisboa: Imprensa Nacional – Casa da Moeda, 2005. – 436 p.
3. Saraiva A.J., Lopes O. História da literatura portuguesa. 16ª edição. – Porto: Porto Editora, s.d. – 1254 p.
4. Castelo Branco C. Eusébio Macário. – Lisboa: Editora Ulisseia, 1991. – 144 p.
5. Cabral A. Camilo Castelo Branco. Roteiro dramático dum profissional de letras. – Lisboa: Terra livre, 1980. – 225 p.
6. Castelo Branco C. A Brasileira de Prazins. – Porto: Edições Caixotim, 2001. – 219 p.
7. Prado Coelho J. Introdução ao estudo da novela camiliana. Vol. I. – Lisboa: Imprensa Nacional – Casa da Moeda, 1982. – 435 p.
8. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 304 с.
9. Prado Coelho J. Introdução ao estudo da novela camiliana: Vol. II. – Lisboa: Imprensa Nacional – Casa da Moeda, 1983. – 392 p.